

МИХАИЛ ИГНАТОВ

ПУСТОШЬ,
ЖУЛЕВОЙ КРУГ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
И26

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Игнатов, Михаил Павлович

И26 Пустошь. Нулевой круг: роман / Михаил Игнатов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 416 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-122492-9

Мир Древних пал в яростном огне... На месте великих городов лишь руины, что исчезают под песком... Но даже здесь есть место жизни и надежде. Вот только пришедшие сюда ценят лишь только силу. Еще недавно он смотрел на всех сверху вниз, наслаждаясь детством... А сейчас — изгой и вокруг лишь желающие унижить. Убийца, что лишил тебя всего, усмехается в лицо. Сверстники не упустят шанса ударить в спину тому, кого считают слабаком. Но так ли это? Что, если сила и месть — единственные его желания? Сколько нужно этой силы, чтобы отомстить за смерть отца и увидеть как стекленеют глаза напротив? И запомнят ли урок остальные, что уже сжимают руки на оружии?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-122492-9

© Михаил Игнатов, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

— Эй! Никчемный отброс!

Мне по заднице прилетел крепкий пинок, чуть не заставивший меня окончательно распластаться ничком.

— Что ты там копаешься в песке? Решил присоединиться к своим женщинам? Недостойно мужчины собирать кизяк и траву. Наберись смелости, встань и встреть мой кулак своим кулаком!

Я молчал, потому что был занят очень важным делом. Я искал в этом чертовом песке пусть не палку — откуда ей взяться возле деревни — а простой камень, ну ведь может же случиться такое, что за эти годы здесь упустили хотя бы один камень! Тяжелый, хорошо бы с острыми краями, чтобы, когда я опущу его на голову этого безмозглого дарса Виргла, увидеть, насколько красна его кровь.

— Так! Сопляки! — За моей спиной раздались жалкие вскрики моих обидчиков и звуки смачных ударов. — А ну разбежались отсюда!

— Старший Ди, мы просто говорили с этим отбросом. Как мужчина с женщиной. Кем вырастет этот приبلуда, если он будет прятаться за чужие спины? — раздался ленивый голос моего главного обидчика.

— Виргл, не испытывай моё терпение. — Снова раздался звук удара и чей-то вскрик. — Когда-нибудь я всем в вашей шайке поломаю руки-ноги!

— Спасибо вам, дядя Ди. — Я поднялся с четверенек и присел на песок, продолжая бездумно просыпать его сквозь пальцы.

— Они становятся все наглее, — помолчав, беспомощно сказал мускулистый мужчина, стоящий передо мной. Короткие черные волосы его были покрыты слоем тонкой серой пыли пустошей. Я видел на его загорелом до черноты добром лице вину. В чуть поджатых губах, в морщинах на лбу. И не мог заглянуть в синие глаза. Он упорно отводил взгляд, глядя куда угодно, но только не на меня.

— Неудивительно, — грустно усмехнулся я. — Сын вождя растет и готовится занять его место. И верных прихлебателей натаскивает.

— Да какой вождь! — зло прорычал дядя. — Назначенный глава деревни. Единственное, что в нем стоит внимания, это его возвышение! Стоит ему чуть провиниться, и первый же проверяющий воин пинками вынесет его из главной хижины.

— Слова, — спокойно заметил я, наконец глядя в его синие глаза. — Также наш не совсем вождь выкинет нашу семью за ограду деревни, стоит только раз матери не угодить ему. Да и вы беспомощны перед ним. Ведь вы не били Виргла?

— Ты очень умный мальчик, — после молчания выдавил из себя дядя Ди, снова отводя взгляд. — Твой отец гордился бы тобой. Мне жаль, что тебе приходится взрослеть так быстро.

— К сожалению, сейчас его сын самый презираемый член нашей деревни, — зло рассмеялся я. — Дядя Ди, оставьте меня, пожалуйста.

— Да, прости меня, мой мальчик, но разрыв в две звезды это не то, что можно преодолеть простым желанием. — Дядя помолчал и продолжил: — Возьми и отдай матери, мне сегодня улыбнулась удача.

Я слушал удаляющийся шорох шагов, а затем тишину пустоши, которую не спеша принялись напол-

нять своим стрекотанием насекомые, и голова моя была пуста до тех пор, пока в моих пальцах не застрял какой-то камушек. Странный, ровный, черный прямоугольник размером с большой палец взрослого мужчины. Похоже, это осколок наследия Древних. Что же, пусть этот камень будет каждый день напоминать мне о сегодняшнем унижении и бессилии. Повертев гладкую, блестящую своими гранями находку, которой не повредили сотни лет в песке, и так и не поняв, что это может быть, я забросил ее в нашейный мешочек с мелочами и перевел взгляд на джутовый мешок, оставленный дядей. Потянув завязку, расслабил горловину и заглянул внутрь. Как я и думал. Тушка квыргала. Отец, когда ходил в пустоши с деревенскими, хвалил дядю Ди как отличного охотника. Значит, сегодня у нашей семьи пир.

— Спасибо, дядя Ди! — я сложил руки лодочкой и поклонился почти исчезнувшим следам единственного человека в деревне, который помогает нам.

Первой вернулась домой сестра и помогла мне с приготовлением ужина. Она уже дочиста выскребла стол, окатила его кипятком, протерла, расставила праздничные, облитые миски из светлой глины и теперь с блестящими от счастья глазами бегала вокруг очага. А я, строя строгую мину, время от времени грозил её светлой макушке ложкой. Мама же вернулась, как всегда, уже в темноте, когда село солнце. Я помог ей расстегнуть ремни переноски, глубоко ушедшей в ставший черным под светом луны песок, а когда она пошатнулась от усталости, подхватил под локоть и повел в хижину.

— Зачем ты до темноты собирала лепешки!

Я кипел от возмущения и бегал кругами по дому, пока сестра помогала маме обмыть из подвешенного умывальника тело от песка. Неудивительно, что мама серая от усталости. Уйти из дома с восходом солнца и весь день наматывать круги по пустоши вслед

за дикими джейрами, чтобы забить доверху самую большую в деревне переноску!

— Я хочу завтра уйти на Черную гору за травами, поэтому мне нужно было сегодня собрать двойную норму кизяка. Хорошо, что твоя мама еще знает некоторые секретные местечки, куда никто из деревни и не забирался... — Я словно увидел сквозь занавеску, как усталая улыбка осветила ее лицо, разгладила печальную складку у губ, делая ее самой красивой на свете.

— Мамочка! — Я почувствовал, как в уголках глаз начала собираться влага. — Какие местечки, какая гора! Ты осталась у нас одна, не смей уходить в одиночку из деревни на промысел. Что будет, если тебе встретится Зверь?

— Ну что ты, что ты, — меня прижали к груди и начали гладить по голове. — Я очень осторожная и опытная женщина. Можно сказать, ветеран пустоши. Я хорошо знаю, куда и когда можно идти. И у меня восемь звезд, не забывай!

— Отец знал это еще лучше! И был еще сильнее тебя! И где он сейчас? — Я попытался вырваться из ее рук.

— Родной, что случилось? — мне не позволили вырваться, только немного отстраниться. — К тебе снова приставали?

— Да, — выдавил я через силу, опуская взгляд к чисто выметенному полу. — Они много чего болтали обидного. Мама, может, ты попросишься в команду травников?

— Понятно, — помолчав, вздохнула мама и сжала мои плечи. — Тебя снова упрекали моей работой. Ты ведь понимаешь, что в нашей забытой всеми богами пустоши, в нашем поселке низшего ранга ничем достойным заняться невозможно?

Я нехотя кивнул. Этот разговор в том или ином виде уже бывал, но все же как больно и обидно!

— Половина женщин, больше половины женщин деревни собирает лепешки джейров. Как иначе, если здесь кусок дерева драгоценность! Да, есть и более чистая работа. Собирать травы, варить еду охотникам, искать камни, скоблить шкуры, работать с ними, все-таки твоя мама кожевник! Но, чтобы получить любую другую работу, нужно просить нашего главу! — прошипела последние слова мама, стискивая мои плечи. — Я никогда не буду просить убийцу вашего отца!

— Что! — непонимающе вскинулся я. — Но отца растерзал Монстр! Он умер от ран!

— Дети мои! — Мама наконец отпустила меня и оглянулась на мою сестру. — Я должна повиниться перед вами. Я виновата в бедах, что обрушились на нашу семью. Лейла, сядь передо мной.

— Да, мама, — испуганно пропищала сестра, подходя и опускаясь рядом со мной на пол.

— Лейла не может помнить об этом, но ты, сын, должен. — Мама обратила на меня горящий взгляд своих серых глаз, тени от очага бросали тени на тонкие черты ее лица, меняя на нем выражения, словно маски. — Эта бесплодная забытая всеми пустыня на краю Белой пустоши — не наш родной дом. И не всегда нашим пристанищем были фургон и вечная дорога. Да, нулевой круг — проклятое небесами место, но вы родились в одном из его лучших уголков. Мы с вашим отцом жили в пятизвездочном поселке Арройо, в Черной пустоши. И были в нем уважаемыми людьми. Кузнец и кожевник, девять и восемь звезд. Мало кто мог смотреть на нас сверху вниз. Ты помнишь наш дом, сынок?

— Смутно. Отрывками. Помню большой дом. Стол из дерева, — выдавил я из себя под ее требовательными глазами, которые так напоминают мои собственные. — Кадки с землей и цветами. Широкие улицы, покрытые камнем.

— Да. Да, верно, — закивала мама и закрыла на миг лицо руками, вытирая слезы. — Наш дом. Ваш отец всегда мечтал о том, чтобы увезти нашу семью в первый пояс. Как вы знаете, для девятой звезды это невозможно. Но он всегда искал способ преодолеть свой застой, просил советов у стариков, которые помнили жизнь в других поясах. Хотя что могли ему посоветовать люди, павшие до нулевого? Мусор, как и все мы. Однако он не терял надежды. Однажды ему выпал шанс, и он выполнил небольшой заказ нового Воина, назначенного в наш поселок. И в качестве оплаты попросил совета у него. Я стояла рядом и помню все как сейчас.

Мама подняла лицо, вглядываясь куда-то поверх наших голов, в пляшущие по стенам тени. Лицо ее застыло одной жуткой, страшной маской с провалами глаз.

— Совет, приведший нас в это проклятое место. Он сказал так: «Твой талант и понимание основ, которым учат каждого, очень плохи. Еще в детстве ты свернул не туда. Ты уже взрослый мужчина, и поменять давно впитавшиеся в твои кости вещи тебе очень сложно. Лучшим выходом, чтобы прорвать твой застой, будет отправиться в путешествие. Новые места, новые люди, наблюдение за миром, сражения изо всех сил помогут тебе понять твою ошибку и сделать последний шаг за пределы возможностей простого человека. Есть более легкие пути, но в нулевом они тебе недоступны».

Мама помолчала, перевела на нас взгляд покрасневших от слез глаз, сбрасывая с лица жуткую тень. Я молчал, молчала сжавшаяся под боком кроха Лейла.

— Моя первая вина, мои дети, в том, что я поддалась уговорам мужа и отправилась вместе с ним. Мы продали дом, мастерскую и вместе с тобой, Лейград, отправились в путешествие по нашему кругу.

Я не могу сказать, что это были плохие годы. Мы увидели весь нулевой. Другим может показаться, что наша пустошь однообразна и одинакова. Но поверьте, дети, это не так. Наши глаза научились видеть ее красоту, а некоторые уголки еще сохранили почти нетронутые, не так, как здесь, строения Древних. Эти огромные древние постройки придавали этим местам невероятную ауру павшего могущества. В конце концов, в этом путешествии родилась Лейла. Совет Вириго, того Воина, оказался верным. Ваш отец смог понять свою ошибку и прорвался на десятую звезду. В отличие от меня. Мне не было дела до Возвышения, я не пыталась прорвать барьер ограничений человека. Моим счастьем были вы, дети. Но кое в чем Вириго ошибался. — Мама улыбнулась, на этот раз победно, гордо. Глаза ее горели. — Мой муж хотел вернуться в Арройо и пройти экзамен там, чтобы наполнить гордостью своих родных. Поэтому мы продолжили наш путь, возвращаясь домой по новым местам. И у вашего отца оказался удивительный талант. Он сам, без помощи наставника первого пояса прорвался к Воину!

Я ошеломленно пытался уложить в голове услышанное. О таком я не слышал ни в одной байке, что травил у костра подвыпивший Орикол. А он любил изредка почесать языком и похвалиться знаниями, которых нахватался в первом поясе. Нет, если подумать, то были же когда-то первые Воины, не имевшие учителей. Но было это даже до Древних, вернее, даже для них это было, наверное, преданиями и легендами. Это просто невероятно! Отец! Я помню, насколько ты был силен! Неужели ты действительно был Воином? Ведь в нулевом круге просто нет наставлений по прорыву! Это знаю даже я, ребенок!

— Наше путешествие близилось к концу, когда мы прибыли в это проклятое место! — Мама отчетливо закричала зубами, никогда я не видел ее такой —

полной злобы. — В первые же дни Римило сцепился с Кардо. Сначала тот потребовал от нас целую серебряшку за жизнь в пределах этой вшивой ограды, которая даже хромого шакала не остановит. Затем, после удачной охоты, он пытался отобрать большую часть мяса. Ты, возможно, привык, сын, к такому. Но закон пустоши гласит, что лишь половина добычи уходит в общий котел. И во всех местах, что мы посетили, этот закон чтят. Но не Кардо. Римило избил его. Что мог сделать этот отброс против вашего отца? Он просто не ожидал подобного, привыкнув быть самым сильным и властным в этой помойке. Конечно, он затаил злобу, но каждую встречу приторно улыбался и кланялся моему мужу. Ах, я много раз жалела, что муж тогда сдержал руку и не довел дело до конца! Жители деревни, не евские досыта в этом богатом дичью краю, были бы нам только благодарны! Мы уже вполне отдохнули и планировали отправиться в путь, когда пришел тот черный день.

Лейла вздрогнула и схватила меня за руку — для нее тот день стал концом беззаботного детства. Впрочем, как и для меня. Я сжал холодные пальцы сестры.

— Если бы ваш отец знал хотя бы какую-нибудь духовную технику! Мы объездили множество селений, потратили почти все наши деньги, скупая редкие рецепты кузнецов и кожевников, но нигде не смогли найти подробных описаний техник. Только жалкие пересказы, в которых половина вранье и выдумки! Даже Орикол получил золото, но не смог ничему научить вашего отца, тупой ублюдок, умеющий только лакать пойло и врать! — мама в гневе ударила кулаком по камню стола. — Если бы он мог применять хоть что-то, доступное Воинам, тогда Римило смог бы убить Монстра, не получив таких ужасных ран! Не умереть на моих руках!

— Мама! Мама! — Лейла не выдержала, бросила мою руку и с рыданиями бросилась к маме.

— Прости, прости! — шептала мама, обнимая и глядя сестру по голове, спине, рукам. — Простите меня, дети. Моя вторая вина перед вами в том, что Римило просил не думать о нем, купить место в караване и отправляться в Арройо. Но я пошла против его воли. Он бы не перенес месяца пути с такими ранами. И мы остались здесь. Я была дурой, за бедой мужа не видевшей угрозы всей семье. Но Римило знал, что все так и будет. С того дня Кардо не давал нам прохода. Мы платили серебром за кров, еду, травы для повязок. Этот бородатый гад пользовался беспомощностью моего мужа и вымогал у нас деньги. Но я стискивала зубы и терпела, молясь и надеясь, что мужу станет лучше.

Тут уже зубами закрипел я, отгоняя злые слезы. Я помнил, с чего это началось. Я прекрасно помнил, как уже на следующий день, после того как отец ценой своего здоровья спас охотников, меня первый раз избила шайка Виргла. Как говорится, вернули с небес мордой в грязь.

— Третья моя вина перед тобой, дочь! — Мама принялась испуганно целовать такие же, как у неё, волосы Лейлы, повторяя: — Прости, прости! Через неделю в деревню приехал еще один караван, крошечный, всего из двух торговцев. И у одного из них я выменяла зелье восстановления тела. Я отдала в обмен твоё наследство — весь набор своих инструментов кожевника. Он убеждал, да я и сама знала, что оно спасет вашего отца. Но...

Мама замолчала, а я снова опустил глаза в пол и с удивлением увидел в мерцающем неверном свете очага капли влаги под своими ногами. Я плачу? Тот день я тоже помнил так ярко, как будто это было вчера. День, когда наша семья стала меньше.

— Торгаш убеждал меня, что зелье принято поздно и отцу не хватило жизненных сил на заживление ран. Такого просто не могло быть! Я родилась и прожила

всю жизнь в пятизвездочном поселке! Я не раз слышала про принимавших это зелье. Я видела даже этих людей, когда их приносили из пустоши! Многие их раны были еще хуже, чем у мужа! В самом зелье уже были травы, дарующие жизненную силу! — закричала мама. Она так же кричала и в тот день. Я помню. — Я ничего не могла доказать. Я осматривала печать в присутствии свидетелей, и она была цела. Но я не верила. Долгие месяцы я следила за тем, как этот гнилой старикашка, которого чудом не прибрали к себе небеса, крутит какие-то дела с Кардо, и все сильнее уверялась, что они вместе убили моего мужа. И два месяца назад, когда здесь был настоящий большой караван из Арройо, а не одна повозка старикашки, я смогла тайно встретиться со странствующим аптекарем. Я вручила ему пузырек от зелья. Отдала все деньги, что еще оставались у меня, но это было не зря, не зря!

— Мама, мама! — Я рванул ворот рубахи, разрывая завязку, слушая ее страшный каркающий смех. — Что он сказал?

— Он сказал, что это было зелье усиления силы! Оно просто убило вашего отца, направив последние ресурсы его тела на усиление мышц! Это зелье ничуть не дешевле лечебного, и если бы оно было у Римило в день схватки, то он убил бы монстра с легкостью. Я не верю, что торгаш по своей воле подделал печать и подсунул нам это зелье! Все, что отбирает Кардо у жителей деревни, уходит этому торгашу! Кардо заплатил ему за убийство вашего отца! Иначе быть не может!

Я сидел, прислонившись к холодной стене нашей хижины, не беспокоясь о побелке, которая пачкала мою спину, и смотрел на звезды. Где-то далеко-далеко выли шакалы, вышедшие в сумерках на поиски, у кого украсть мясо. Раздался едва слышный рев леопарда, и шакалы затихли. Похоже, хотели начать свару и отобрать часть добычи, но трусили. Я, вслуши-

ваясь в звуки ночи, копался в своих воспоминаниях и заново перебирал картинки памяти. Не только тех двух дней, которые, казалось, выжжены в ней. Но и других, которые остались только смутными образами. И все больше уверялся в правоте матери. Все что я вспоминал, говорило, что Кардо мог заплатить за смерть отца. Я знал даже больше мамы. Еще месяца не прошло, как я прятался от Виргла возле тренировочной площадки. А за стеной сарая, в котором хранились запасные копья и мерочные камни, Кардо разговаривал с тем старым торговцем. И разговор этот был разговором равных людей, которые давно знают друг друга. Он был полон намеков и недосказанности, понятных только тем, кто обсуждает это уже не первый десяток раз. Я понял лишь, что все идет так, как должно быть, что-то даже лучше и последнее зелье будет в срок, он не подведет Кардо, особенно если тот еще чуть увеличит поставки. На горизонте сверкнула молния приближающегося дождя.

— Мама, — я заглянул в хижину, — если у нас есть родственники в Арройо, почему ты не подашь весть о нас?

— Я сирота. — Мама сидела возле очага с Лейлой на коленях и расчесывала ее волосы, уже отросшие почти до пояса. — Там отец с матерью Римило. С ними мы не ладили. Они не простили, что он взял меня в жены, нарушив их планы. И не пускали Римило на порог. Но вот с его братом мы продолжали общаться, несмотря на запрет его отца. Именно ему я и писала дважды. И два месяца назад отправила с караванщиком еще одно письмо. Я не знаю, почему он ни разу не прислал ответа. Все же прошло уже шесть лет, многое могло случиться, хотя я стараюсь не отчаиваться и не думать о самом плохом.

— Есть еще инструменты отца. Почему ты не продашь их? И мы бы могли устроиться в караван? — задал я следующий вопрос.